

捨てる神あれば拾う神あり。
Один бог забыл — другой поможет
Японская пословица

ЧАСТЬ I

Школа Годзэн

Глава 1

— Эй, быстро поднимите её!

Голоса доносились словно сквозь толщу воды. Голова болела до ужаса.

— Я говорил, что ночная молитва навредит ей! — тонкий пронзительный голос заставил чуть поморщиться.

Я открыла глаза, и в тот же момент меня подхватили под руки, поднимая с твёрдой поверхности.

Деревянные стены, низкий потолок, с которого свисают странные колотушки с красными нитями, стол-алтарь, два маленьких окошка и аромат, от которого тянет закашляться. Какие-то благовония пахнут настолько сладко, что хочется поскорее оказаться на свежем воздухе.

Меня держали две девчонки. Обе азиатки, на вид не старше шестнадцати лет, одеты в фиолетовые костюмы из мягкой ткани, напоминающие одежду для занятий боевыми искусствами.

Но моё внимание больше привлекли двое мужчин, стоящих в нескольких метрах от нас. Тот, что был пониже и покруглее, продолжал вопить:

— Говорил, что нельзя! Так нет! Целитель Изаму ничего не понимает! Целитель Изаму только думает о высоком!

Второй, высокий и со статью настоящего бойца, даже не изменился в лице. Он стоял, сложив руки на широкой груди, и молча слушал целителя. Не ошибусь, если он воин. Такой одними руками переломит врага пополам.

В какой-то момент мужчина метнул на меня задумчивый взгляд. В чёрных глазах ничего не прочесть. У меня по спине пробежал холодок.

— Аска, держись, — шепнула девушка, что поддерживала меня справа.

Аска — это я?

А кто они? И эти двое — тоже?

Хуже всего, что и этих людей, и обстановку вокруг видела первый раз в жизни. Силясь пробиться сквозь головную боль, получила только приступ тошноты.

Глубокий вдох — выдох. Вдох — выдох.

— Учитель Коджи, вы как хотите, но я вынужден буду сообщить директору школы, если это...

— Спокойнее, Изаму. — Голос Коджи оказался ледяным и тяжёлым, будто камень, падающий в прозрачный ручей. — Пусть сама скажет.

Оба посмотрели на меня.

Повисла тишина. Кажется, надо было сказать что-то умное, но что? Голова по-прежнему болела и отказывалась нормально соображать. Интуиция подсказывала, что не стоит сейчас задавать вопрос: «Кто вы?», и уверенность в этом была настолько сильной, что я только шумно выдохнула.

Стоявшая слева девчонка наступила мне на ногу. Сигнал был ясен: действуй.

Колени мерзко дрогнули. Ещё немного, и хлопнуть в обморок.

— Я... — Пересохшие губы плохо слушались. Меня в пустыню, что ли, выбрасывали? — Хочу пить. И сейчас упаду.

— Мисаки, Харука, отведите её в лазарет, — резко сказал учитель Коджи. — Потом поговорим.

Он быстро повернулся к целителю, но меня уже вытащили на улицу. Обернувшись, я сообразила, что мы находились в каком-то храме.

— Как тебя только угораздило? — шипела та, что стукнула меня. — Говорили, спрячься! Не хвались перед Коджи! Нет, надо было поумничать! Теперь на себя только посмотри!

Я бы с удовольствием посмотрела, но... ни воды, ни какой-то гладкой поверхности рядом не было. Зато я тут же отметила аккуратные дорожки, белое строение с загнутой крышей, напоминающей пагоду, и множество девчонок, одетых так же, как мои спутницы. На мне было длинное белое одеяние без опознавательных знаков.

Я пыталась сообразить, где нахожусь и как сюда попала. Откуда столько азиатов? Что девочки, что мужчины. Навскидку было сложно определить, кто именно, однако если судить по цвету кожи и разрезу глаз, то скорее всего японцы. Да и имена сложно спутать с другими.

Пока мы шли, на нас периодически бросали любопытные взгляды, временами даже сочувствующие, но ничего не спрашивали. Девушки в ос-

новном были заняты уборкой территории и наведением порядка на клумбах.

— Мисаки, ты же знаешь Аску, — меланхолично произнесла вторая. — Она сначала ляпает, потом думает.

— Плетунья, дай ей ума побольше, — проворчала Мисаки.

В мозгу будто вспыхнула молния.

Плетунья.

Мир точно застыл, все звуки стали тише, лица Харуки и Мисаки словно подёрнулись рябью.

И тут же откуда-то донеслись щелчки и шорох нитей.

«Здравствуй, дитя моё, — прозвучал в голове тихий смех. — Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, ночь не прошла даром, и скоро мы познакомимся поближе?»

Я пошатнулась, с губ едва не сорвался ответ.

И тут откуда-то донесся крик. Детский, отчаянный, испуганный.

Я сжала руку в кулак, в тело хлынула сила, стирая боль и слабость. Девчонки отшатнулись от меня.

Крик повторился.

Я завертела головой, определяя направление.

Сила кипела, бурлила в венах, заменив кровь, приказывала: «Беги. Действуй. Беги!»

Я с места рванула вправо, туда, где за оградой виднелся тёмный лесок. Босые ступни, казалось, не касались земли.

— Аска! Аска! — орали за спиной.

За мной кто-то бежал, но догнать не могли.

Ямка, кочка, перепрыгнуть разбитую плитку на дорожке. Откуда-то я прекрасно знала, куда

бежать. Даже не было секундного замешательства, чтобы остановиться.

— Аска, дура, стой! — донесся крик целителя Изаму.

Я перемахнула через невысокую ограду. Длинное одеяние зацепилось, послышался треск. Я чуть не влетела носом в собранную кучу листьев и веток, но успела вывернуться и удержаться на ногах, а потом снова рвануть прямо в лесок.

Что-то тянуло туда, гнало, как ненормальную.

Я перепрыгнула через поваленное дерево, на краю сознания мелькнуло, что человек так в принципе не может. Однако резко стало не до того, когда откуда-то из-за сплетённых ветвями изогнутых стволов донесся жуткий рык.

Пальцы похолодели, не хотелось даже думать, кто может издавать такие звуки. Я промчалась по берегу реки, зная, что крик шёл отсюда.

Через пару минут в воде мелькнуло что-то красное и показалась черноволосая головка.

Сзади снова зарычали. Я глянула через плечо — никого.

Снова щелчки и шорох нитей. И будто мягкое прикосновение к плечу.

Спешу. Спешу. Спешу.

Я, не раздумывая, стащила через голову дурацкое одеяние и прыгнула в воду. Она оказалась холодной, кожу обожгло, я чудом не взвыла. Но взяла себя в руки и быстрыми гребками поплыла к утопавшему. Нет... утопавшей. Это была малышка, которая отчаянно барахталась в воде и уже не могла кричать. Красные цветы в заколке на глад-

ких черных волосах ярко контрастировали с посиневшей от холода кожей.

Какой идиот оставил ребенка без присмотра? Ей же лет пять, не больше!

Внутри поднялось негодование. Бездонное, глубокое, готовое в любой момент снести всё на своём пути.

— Цепляйся, — прохрипела я, давая девочке возможность ухватиться за себя. — Всё, не бойся. Плывём назад.

Гнев ещё kloкотал, но я задвинула его поглубже, сосредотачиваясь на задаче догresti до берега. Не думать о холоде, не думать о течении, которое отталкивает назад. Нам нужно только вперёд.

Девочка притихла, вцепившись в меня. Умница. Понимает, что лучше не размахивать руками и не верещать — толку всё равно не будет.

Берег оказался дальше, чем я думала, но едва ноги оказались на влажном песке, я выдохнула с облегчением.

И тут же вздрогнула, потому что в нескольких шагах от меня стояло... нечто.

Оно было моего роста, кожа отливала красной, тело напоминало химеру из кошмаров. Глаза настолько черны, что свет в них утопает. Рот искривлён в почти человеческой ухмылке, обнажая клыки. Только вот ничего человеческого в этой твари не было.

«Слабый духом — пища для цуми, — всплыли в голове слова, произнесенные сухим старческим голосом. — Запомните это, ученицы школы Годзэн. Покажете цуми страх — цуми покажет вам преисподнюю».

— Цуми, — еле слышно шепнули мои губы.

В памяти тут же мелькнуло, что так по-японски звучит «грех».

Девочка вцепилась в мою руку. Кажется, от ужаса она не могла даже кричать.

Я быстро соображала, что делать. Прогнать? Очень смешно, стою в чем мать родила перед неведомым науке монстром. Тут рядом ни палки, ни камня, не говоря уже о каком-то оружии. Да и с такими зубами он прокусит меня сразу. Малышку на руки и бежать? Вариант. Но насколько быстро бегаёт эта тварь? Судя по ее развитым мышцам, наши догонялки закончатся сразу.

Цуми втянул воздух, красноватые ноздри затрепетали. Глаза чуть прищурились. Он чего-то ждал. Но чего?

Мои ноги будто примёрзли к берегу.

Нельзя смотреть зверю в глаза — это вызов. Это то, из-за чего на тебя могут в любой момент броситься. Но я вдруг осознала: как только опущу взгляд — проиграю. Поэтому смотреть. Смотреть до слёз, до боли, до отвращения.

Цуми сделал шаг вперед.

Всё окутала тишина: ни пения птиц, ни шума листвы, ни плеска воды. Страшная. Вязкая. Дикая.

Замерло, будто никогда не было живым.

По щиколоткам потянуло могильным холодом. Сердце колотилось в висках.

Воздух застрял в лёгких. Ещё один вдох — и меня просто не станет. Здесь нет места для слабаков. Кто показывает свой страх, тот не жилец.

— Уходи, — сказала я.

Всего одно слово — и тишина разлетелась на тысячи сверкающих осколков.

Цуми зарычал, поскреб землю когтистой лапой.
— Уходи, — громче повторила я.

Его глаза налились кровью, сверкнули в жутком оскале клыки. Миг — глаза в глаза. И что-то будто хрустнуло, пошло трещинами. Цуми взвыл, взмахнул хвостом с чёрной кисточкой и кинулся в гущу леса.

Я глубоко вдохнула. По телу прошла дрожь, перед глазами всё поплыло.

— Стой! Стой! — заговорила быстро малышка. — Не падай!

Детские ручонки попытались подхватить меня, но песок оказался под моей щекой куда раньше, чем можно было подумать.

* * *

...Второе пробуждение было куда приятнее.

Чистая постель, запах каких-то трав и бормочущий под нос целитель, перебинтовывавший мне руку.

Изаму немного хмурился, шевелил губами, снова хмурился и качал головой. Заметив, что я очнулась, он неодобрительно посмотрел на меня.

— Аска, тебе говорили, что голова дана людям не только для того, чтобы есть?

— А для чего? — ляпнула я и тут же прикусила язык.

Кажется, не время шутить.

Судя по сведённым в одну линию бровям Изаму, смеяться ему не хочется.

— Не вздумай подобное повторить при Коджи. Он тебя быстро отправит на Границу.

Граница? Судя по тому, как изменилась интонация целителя, это не слишком приятное место. Память тут же услужливо подсунула воспоминания о вчерашних событиях. Я невольно вздрогнула. Тогда я действовала на рефлексах, сейчас же всё казалось куда страшнее.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Изаму. Я быстро проанализировала ощущения.

— Нормально. Только рука ноет и голова немного.

— Руку тебе подлатали, а голова — странно. Чему там болеть? — донесся голос учителя Коджи, бесшумно возникшего за спиной целителя.

Изаму резко обернулся.

— Моей пациентке нужен отдых, — внезапно холодно сказал он. — Для допросов ещё рановато.

— Я не провожу допросов, я контролирую учеников школы Годзэн, — так же ответил Коджи, глядя прямо на меня.

Если не ошибаюсь, он младше Изаму. И вполне симпатичный. Только от его взгляда захотелось спрятаться под одеяло. Так смотрят, когда точно знают, что ты сделал какую-то дрянь, но не хочешь в ней признаваться. А признание нужно кровь из носу.

Но и мне нужна информация. Потому что кроме вчерашнего дня я ничего не помню. Это плохо, очень плохо. Поэтому я ответила максимально нейтрально:

— Я готова ответить на вопросы, учитель Коджи.

Изаму, который хотел что-то сказать, захлопнул рот. А потом покрутил массивный перстень

с красным камнем на пальце. Красный. Почти как кожа твари. Это предупреждение или просто совпадение, а я ищу знаки там, где их не давали?

Коджи придвинул к постели стул и опустился на него. Кажется, разговор будет долгим.

Я подумала было сесть, чтобы не смотреть снизу вверх, но передумала. Если что, лёжа удобнее прикидываться страдающей больной.

Изаму попытался тоже сесть, но Коджи сделал знак рукой.

— Будьте любезны, целитель, оставьте нас.

Мне это не понравилось.

Вряд ли мне сделают что-то плохое, с другой стороны... я понятия не имею, какие тут правила. Возможно, я сделала нечто такое, за что полагается серьёзное наказание.

И тут же возникла чёткая мысль: «Сделала не я. А та, кто была до меня. До того как ступила в храм Плетуньи».

Тихий смех, раздавшийся где-то на краю сознания, был подтверждением. Что-то чуждое и странное присутствовало в моей голове и явно с любопытством следило за происходящим. От этого было одновременно страшно и... спокойно. Так, будто была уверенность, что меня поддержат.

— У вас полчаса. — Изаму поджал губы, перевернул стоявшие на тумбочке песочные часы. — После этого мне нужно дать Аске лекарство.

И вышел, при этом бросив на меня быстрый взгляд у двери и покрутив кольцо с красным камнем.

Хм, точно пытается сигнализировать. Только о чем? Молчать о твари? Не говорить о своём тупом геройстве?